

Коменский Ян Амос

**Лабиринт света и рай сердца,
теясное изображение того, что на
этом свете и во всех предметах его
нет ничего, кроме суеты и
заблуждения, сомнения и
горестей, призрака и обмана,
тоски и бедствий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я60

Я60 **Ян Амос К.**
Лабиринт света и рай сердца, тесное изображение того, что на этом свете и во всех предметах его нет ничего, кроме суеты и заблуждения, сомнения и горестей, призрака и обмана, тоски и бедствий / Коменский Ян Амос – М.: Книга по Требованию, 2023. – 188 с.

ISBN 978-5-519-89994-9

ISBN 978-5-519-89994-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Къ читателю.

1. Каждое существо, даже неразумное отъ природы, приспособлено къ тому, чтобы наслаждаться пріятными и полезными для себя вещами и имѣть влеченіе къ нимъ: тѣмъ болѣе къ этому стремится и человѣкъ, въ которомъ такую склонность къ доброму, полезному возбуждаетъ разумная, присущая ему, сила;—да и не только возбуждаетъ, но и направляетъ его къ тому, чтобы онъ выбиралъ себѣ преимущественно то, что болѣе кажется добрымъ, пріятнымъ и полезнымъ, и съ большею охотою добивался этого. Отсюда-то давно уже возникъ вопросъ между мудрецами, гдѣ и въ чемъ могъ бы заключаться верхъ добраго (summi bonum), на которомъ могло бы остановиться человѣческое стремленіе, т. е., достигнувши котораго, человѣкъ могъ бы и долженъ бы былъ успокоиться своею мыслью, не имѣя уже къ чему стремиться.

2. Если бы мы захотѣли обратить на это вниманіе, то нашли бы, что этотъ вопросъ и заботливое отысканіе рѣшенія его были и есть не только между философами, но и вообще cadaго человѣка мысль направлена туда же,—гдѣ и какъ достигнуть самаго полнаго утѣшенія. И дознано, что всѣ почти люди, отрѣшившись отъ самихъ себя, ищутъ, чѣмъ бы успокоить и утѣшить свою мысль, въ свѣтъ и его предметахъ: одинъ видитъ это въ богатствѣ и состояніи, другой—въ роскоши и удовольствіяхъ, третій—въ славѣ и

уваженіи, четвертый—въ мудрости и знаніи, пятый въ веселомъ товариществѣ и т. д.; и вотъ, въ результатѣ всѣ гонятся за внѣшними предметами, ища въ нихъ блага для себя.

3. Но что оно тамъ не находится—свидѣтель тому самый мудрѣйшій изъ людей, Соломонъ, который, также въ поискахъ за успокоеніемъ своего разума, пройдя и обозрѣвъ весь свѣтъ, въ концѣ концовъ, сознался: „И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя творятся подъ солнцемъ, ибо все суета и томленіе духа“. Достигнувъ въ послѣдствіи истиннаго спокойствія ума (Екклес. II, 17), онъ объявилъ, что послѣднее заключается въ томъ, чтобы человѣкъ, переставъ быть на свѣтѣ тѣмъ, чѣмъ онъ есть, искалъ для себя Самого Господа Бога, Его боялся и Его заповѣди соблюдалъ, ибо говоритъ писаніе: „отъ Него Единого все зависитъ“. (Екклес. 12, 13). Подобнымъ же образомъ и Давидъ убѣдился, что счастливѣйшій человѣкъ тотъ, кто, закрывши глаза на свѣтъ и оставивъ мысль о немъ, держится только Бога и, считая Его вѣчнымъ своимъ удѣломъ, пребываетъ съ Нимъ въ сердцѣ своемъ.

4. Да будетъ восхвалено милосердіе Божіе, которое и мнѣ открыло мои глаза, научивъ познавать разнообразную суету сего великаго свѣта и мелкое обольщеніе, всюду скрывающееся подъ внѣшнимъ блескомъ, научивъ не здѣсь искать покоя и безопасности мысли. Желая представить себѣ это яснѣе, воочію, а равно и показать другимъ, я задумалъ предпринять путешествіе, или шатаніе по свѣту, посмотреть, гдѣ находятся и какія существуютъ полезныя вещи или даже и ознакомиться съ ними; гдѣ, наконецъ, я нашелъ утѣшеніе, къ которому стремился и котораго бесполезно искалъ въ свѣтѣ,—все это я рассказалъ въ настоящемъ моемъ сочиненіи. Насколько удачно—это не мое дѣло; дай только Богъ, чтобы съ пользою для себя и для ближнихъ моихъ.

5. Не басня то, читатель, что ты будешь читать, хотя и имѣеть сходство съ басней; нѣтъ, все это правда; вникнувъ въ нее, ты самъ поймешь это. въ особенности если ты мало-мальски знакомъ съ моею жизнью и приключеніями, потому что я расписывалъ красками болышею частью случаи собственной жизни, съ которыми встрѣчался въ продолженіе немногихъ лѣтъ своего земного существованія; иное видѣлъ и у другихъ или имѣлъ свѣдѣнія. Сознаюсь, что не всего еще коснулся, отчасти изъ стыда, отчасти потому, что не зналъ, принесло-ли бы это пользу другимъ.

6. Провожатыхъ моихъ и каждаго, кто блуждаетъ въ свѣтъ,—двое: дерзость ума, осматривающаго все, и старая привычка къ вещамъ, дающая видъ истины прельщеніямъ свѣта. Если пойдешь за ними съ разумностью, то, кто-бы ты ни былъ, увидишь, какъ и я, несчастныя смятенія своего поколѣнія, а если тебѣ будетъ казаться наоборотъ, то знай, что на твой носъ насажены очки обычнаго заблужденія, черезъ которыя ты видишь все неправильно.

7. Что касается представленія исполненной радости картины сердець, посвященныхъ Богу, то оно болыше основано на теоріи, такъ какъ трудно найти все у каждаго избраннаго. Тѣмъ не менѣе у Господа Бога нѣтъ недостатка и въ такихъ выполированныхъ душахъ, и каждый истинно благочестивый, читая это, долженъ стремиться настойчиво къ такому совершенству. Будь счастливъ, милый христіанинъ, и пусть путеводитель солнца, Духъ Святой, укажетъ тебѣ лучше, чѣмъ я могу, и свету міра и славу избранныхъ, соединенныхъ съ Богомъ сердець, утѣшеніе и радость. Аминь.

Г Л А В А I.

О причинахъ путешествія въ свѣтъ.

Начавъ приходить въ такой возрастъ, въ которомъ умъ человѣческій начинаетъ сознавать разницу между добромъ и зломъ, увидѣлъ я среди людей различныя сословія, положенія, профессіи, труды и предпріятія, которыми они занимаются, и у меня явилось непреодолимое влеченіе подумать хорошенько о томъ, къ какой группѣ людей примкнуть и какъ провести свою жизнь.

О чемъ много и часто размышлялъ я и совѣтовался съ своимъ разумомъ, на томъ и остановилось мое вниманіе, а именно: выбрать себѣ такой образъ жизни, въ которомъ было бы по возможности меньше заботъ и безпокойства, а возможно больше удобствъ, покоя и отрады.

Однако нелегкимъ казалось узнать, какой именно родъ занятій надо мнѣ выбрать; съ кѣмъ объ этомъ хорошенько посоветоваться,—не зналъ, да, по правдѣ сказать, и не хотѣлъ совѣтоваться, такъ какъ увѣренъ былъ, что каждый станетъ хвалить свое. Самъ же, безъ посторонней помощи, поспѣшно взяться за какое нибудь дѣло не смѣлъ, боясь ошибиться.

Признаюсь, я началъ потихонько приниматься за одно, за другое, за третье, но все тотчасъ же оставлялъ, потому что въ каждой вещи замѣчалъ и трудность и ничтожность ея, на мой взглядъ. Съ одной стороны я боялся, чтобы моя неустойчивость не принесла мнѣ вреда, и въ то же время не зналъ, что предпринять.

Постѣ мученій и колебаній душою, я пришелъ къ тому заключенію, что прежде всего нужно посмотрѣть всѣ чловѣческія дѣла, всѣ, что есть ихъ подъ солнцемъ, и сравнивъ разумно одно съ другимъ, выбрать себѣ положеніе и затѣмъ привести свои дѣла въ такой порядокъ, чтобы наслаждаться спокойною жизнью на свѣтѣ. Чѣмъ больше думалъ я объ этомъ, тѣмъ больше правился мнѣ такой путь.

Г Л А В А II.

Путешественникъ досталъ въ проводники Вездѣсуща.

Вышелъ я изъ дому и сталъ оглядываться по сторонамъ, раздумывая, откуда и какъ начинать. Вдругъ, и самъ не знаю откуда, взялся предо мною чловѣкъ, съ твердою поступью, осмысленнымъ взоромъ и быстрою рѣчью, такъ что казалось, будто ноги, глаза, языкъ,—все у него вращалось на пружинахъ. Подвинувшись ко мнѣ, онъ сталъ допытываться, откуда я пришелъ и куда намѣренъ идти. Я сказалъ ему, что вышелъ изъ своего дома съ намѣреніемъ совершить путешествіе по свѣту и кое-что испробовать.

Похваливъ меня за это, онъ спросилъ: „А гдѣ же твой проводникъ, есть-ли онъ у тебя?“ „Нѣтъ у меня никого“, отвѣтилъ я: „довѣряюсь Богу и своимъ глазамъ, думая, что они не обманутъ меня“. „Да такъ ты ничего не узнаешь“, сказала онъ. „Слыхалъ-ли ты когда-нибудь о Критскомъ лабиринтѣ?“—„Слышалъ кое-что“. — „Чудо свѣта было, — это было зданіе съ такимъ огромнымъ количествомъ комнатъ, перегородокъ, корридоровъ, что понавшій туда безъ провожатаго вѣчно метался то туда то сюда и никогда не могъ выйти изъ него. То было ничтожество въ сравненіи съ тѣмъ, какъ устроенъ лабиринтъ свѣта, особенно въ настоя-

щее время. Не советую тебѣ одному идти туда, повѣрь мнѣ, опытному въ этомъ“. — „А гдѣ-же мнѣ взять такого провожатаго?“ спросилъ я. Онъ мнѣ въ отвѣтъ на это: „Я для того, чтобы тѣхъ людей, которые хотятъ посмотреть и испытать что-нибудь, провожать и указывать имъ, что гдѣ находится: поэтому-то я и вышелъ на встрѣчу тебѣ“. Удивился я и спросилъ: „А кто же ты такой, мой милый?“ „Имя мое Все-вѣдъ, прозвищемъ Вездѣсущъ“, отвѣтилъ онъ. „Я прохожу черезъ весь свѣтъ, смотрю во всѣ его стороны, у каждаго испытываю его слова и дѣла, что есть явнаго, все вижу, что тайное—за всѣмъ слѣжу и наблюдаю, однимъ словомъ—безъ меня ничто не можетъ происходить: за всѣмъ присматривать—моя обязанность, и если ты пойдешь за мною, то проведу тебя во многія тайныя мѣста, куда безъ меня ты никогда не попалъ-бы“.

Услышавъ такія слова, я и самъ обрадовался, что нашелъ такого провожатаго, и сталъ просить, чтобы не почелъ за трудъ провести меня черезъ свѣтъ. „Какъ другимъ радъ служить въ этомъ, такъ и тебѣ“, отвѣчалъ онъ и, взявъ меня за руки, прибавилъ: „Пойдемъ“. Пошли мы, а я и говорю: „съ удовольствіемъ теперь посмотрю, каковъ-то этотъ свѣтъ, и есть-ли въ немъ что-нибудь такое, на чемъ человѣкъ могъ-бы успокоиться. Услышавъ это, товарищъ мой остановился и сказалъ: „Пріятель! идешь ли ты съ тою цѣлью, чтобы хорошенько осмотрѣть наши вещи, или чтобы разсудить о нихъ по своему разуму, этого я не знаю, только останется ли этимъ довольна Ея Милость, королева наша“.

„А кто это ваша королева?“—спросилъ я. Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Та, которая управляетъ всѣмъ свѣтомъ и его дѣлами, отъ конца въ конецъ. Имя ей—мудрость, хотя нѣкоторые философы называютъ ее суетою. Поэтому я заранѣе предупреждаю тебя; когда мы будемъ ходить и осматривать тамъ, не мудрствуй; если ошибешься въ чемъ-нибудь, такъ я буду возлѣ тебя“.

Г Л А В А III.

Обманъ навязался въ товарищи.

Не успѣлъ онъ сказать объ этомъ, какъ вдругъ я замѣтилъ, что кто-то, и самъ не знаю—мужчина или женщина, (ибо какъ-то чудно было закрыто, а вокругъ него образовался какъ-бы туманъ), подойдя къ намъ, заговорилъ: „Вездѣсущъ! куда ты спѣшишь съ нимъ“? „Веду его въ свѣтъ“, отвѣтилъ послѣдній: „намѣренъ обзрѣть его“.

„А что же безъ меня“? Знаешь вѣдь, что твоя обязанность провожать, а моя—указывать, что гдѣ находится. Вѣдь Ея Милость королева не желаетъ, чтобы тотъ, кто по собственному желанію пошелъ въ ея королевство, рассуждалъ о томъ, что видитъ и слышитъ, съ своей точки зрѣнія и мудрствовалъ о чемъ-нибудь; необходимо рассказать ему, что есть каждая вещь и для чего предназначена, и заставить его повѣрить этому“. Вездѣсущъ отвѣтилъ: „Неужели каждый столь дерзокъ, что наравнѣ съ прочими не можетъ удовлетвориться нашими порядками. Ну, въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, можно потребовать узду для него. Ладно, пойдемъ“. Такимъ образомъ онъ присталъ къ намъ, и мы отправились.

Но я держу себя на умѣ: „Дай-то Богъ, чтобы только не завели меня. Вѣдь они говорили о какой-то уздѣ для меня“, и, обратившись къ своему новому товарищу, сказалъ: „Пріятель! не сердись на меня, хотѣлось бы узнать твое имя“. Онъ отвѣтилъ: „Я толмачъ королевы свѣта Мудрости и имѣю отъ нея порученіе научать, какъ должно понимать все въ свѣтѣ. Поэтому все, что принадлежитъ къ истинной свѣтской мудрости, я влагаю въ умъ и привожу его къ

радости и доброму расположенію; безъ меня и королѣ, и князья, и владыки, и всѣ высокопоставленныя лица страшно тосковали бы и печально проводили-бы жизнь на свѣтѣ“. Я на это сказалъ ему: „Счастье для меня, что Богъ послалъ мнѣ въ проводники тебя, если только правда то, что ты говоришь. Я вѣдь для того отправился путешествовать въ свѣтъ, чтобы найти, что въ немъ есть наиболѣе спокойное и утѣшительное, а имѣя въ качествѣ совѣтника такого, какъ ты, я безъ труда выберу для себя что-нибудь“.—„Не безпокойся объ этомъ“,—отвѣтилъ онъ, „въ нашемъ королевствѣ, конечно, ты увидишь все прекраснымъ, въ порядкѣ и мило устроеннымъ и поймешь, что во всемъ можно вести себя послушнымъ нашей королевицѣ, но, правда, всегда одно призваніе и занятіе имѣеть передъ другимъ болѣе удобства и свободы. Изъ всего можешь выбрать себѣ, что захочешь. Ну, вотъ все, что и какъ есть, я объяснилъ“. „Какъ же тебя зовутъ?“—спросилъ я.—„Имя мнѣ Обманъ“.

Г Л А В А IV.

Путешественникъ досталъ узду и очки.

Услышавъ это, я испугался, думая, что на грѣхъ взять его къ себѣ въ товарищи. „Первый, (такъ безпокоила меня моя мысль) толковалъ о какой-то уздѣ, затѣмъ этотъ называлъ себя Обманомъ, королевною своею назвалъ суету (хотя, можетъ быть, неосторожно проговорился). Что бы это значило“?

И въ то время, когда я, молча и потупивъ взоры, шелъ, вѣрнѣе, какъ-то неохотно переступалъ ногами, Всевѣдь обратился ко мнѣ: „Что—на попятный дворъ“?—Не успѣлъ я отвѣтить ему что-нибудь, какъ онъ набросилъ мнѣ на шею какую-то узду, удила которой попали мнѣ въ ротъ. А онъ

прибавилъ:—„Ну, съ нею охотнѣе у меня пойдешь, какъ началъ“.

Поглядѣлъ я на эту узду и увидѣлъ, что она была сшита изъ ремня любопытства, а удила у ней были изъ желѣза упрямки въ предпріятіяхъ; и понялъ я, что теперь пойду обозрѣвать свѣтъ не такъ, какъ первоначально, — добровольно, по вслѣдствіе непостоянства и нерѣшимости мысли меня потащутъ насильно.

Другой же провожатый съ своей стороны повелъ такую рѣчь: „А я дамъ тебѣ очки, черезъ которыя ты будешь глядѣть на свѣтъ“. И вдругъ насадилъ мнѣ на носъ очки, взглянувъ черезъ которыя на свѣтъ, я увидѣлъ передъ собою все въ другомъ видѣ.

Очки эти дѣйствительно имѣли такое свойство, какъ я потомъ неоднократно испытывалъ, что смотрѣвшему сквозь нихъ отдаленный предметъ казался близкимъ, а близкій — отдаленнымъ, малый — большимъ, а большой — малымъ, скучный — веселымъ, а веселый — скучнымъ, черный — бѣлымъ, а бѣлый — чернымъ. „Не даромъ, подумалъ я, онъ называетъ себя „Обманомъ“, коли умѣетъ дѣлать такіе очки и вставлять ихъ людямъ“.

Очки эти были сдѣланы, какъ я узналъ потомъ, изъ стекла догадки, а рамки ихъ изъ рога, который называется привычкою.

На мое счастье надѣлъ онъ мнѣ ихъ какъ-то криво, такъ что они не прилегали вплотную къ глазамъ, и я, повернувъ голову и поднявъ глаза, могъ глядѣть на вещи совершенно натурально. Я обрадовался этому и подумалъ самъ себѣ: „Хоть вы и закрыли мнѣ ротъ и заслонили глаза, но я вѣрю своему Богу, что не отнимите вы у меня разума и мысли. Пойду и посмотрю, что представляетъ изъ себя этотъ свѣтъ, на который по желанію госпожи Суеты нужно смотрѣть черезъ ея очки, а не собственными глазами.“